

ЗАШИСКИ

**ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР**

I

1952

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР • ЛЕНИНГРАД

Б. Я. ВЛАДИМИРЦОВ

Монгольские литературные языки

(К латинизации монгольской и калмыцкой письменности)

1

В настоящее время монголы, населяющие Монгольскую Народную Республику, а также буряты Бурято-Монгольской АССР и калмыки Калмыцкой Автономной Области решили, как известно, перейти на латинизированное письмо. До последнего времени монголы и буряты пользовались монгольским письменным языком, а калмыки ойратским. Только совсем недавно калмыки перешли на письменность новую, базировавшуюся на основе русского алфавита. Переход на латинизированную письменность для монголов, бурят и калмыков означает не только принятие новых (латинских) букв, но и полное изменение в самом языке, потому что все названные народы стремятся создать и ввести у себя новые литературные письменные языки, которые были бы доступны широким народным массам, языки, в основе которых лежали бы живые народные говоры, употребляемые всегда в повседневной речи и в произведениях народного творчества.

Вполне понятно, что на пути такой исключительной и важной реформы встречается много трудностей, от правильного преодоления которых зависит судьба всего дела. Если халхаским монголам, которые составляют большинство населения Монгольской Народной Республики, довольно легко разрешить вопрос о наречии, которое должно лечь в основу нового литературного языка, так как халхаское наречие почти едино, то для бурят и калмыков вопрос о книжном, литературном диалекте представляется очень и очень затруднительным. Действительно, единого бурятского языка нет, существует ряд говоров и наречий, которые иногда довольно сильно отличаются друг от друга. А вместе с тем рядом — монгольское халхаское

наречие, почти в одинаковой мере близкое и в то же время далекое всем бурятским диалектам. И у калмыков известное разнообразие говоров, во всяком случае, две ветви, которые, хотя и не в такой мере, как бурятские, отличаются друг от друга.

Потом в качестве старого наследия у монголов и бурят, с одной стороны, и у калмыков, с другой, остаются письменные литературные языки, которые так или иначе влияли на жизнь народных говоров и сами подвергались вторжениям элементов живой речи. Должны ли быть эти языки забыты и брошены, или можно как-то использовать старое достояние, использовать на службу нового и новой жизни?

В монгольском и калмыцком мире вопрос о старых литературных языках имеет особое значение. Далекое не везде встречаются те явления, которые можно наблюдать в монгольском и калмыцком. Дело в том, что как монгольский письменный язык, так и ойратский письменный являются совершенно особыми архаичными и отчасти архаизированными диалектами, в очень и очень большой мере отличающимися от всех живых наречий и говоров как монгольских, так и калмыцких. Собственно говоря, приходится констатировать, что на монгольском письменном языке можно только писать; это исключительно книжный литературный, в значительной мере искусственный язык, на котором только излагают мысли на бумаге, но которым в живой речи никогда не пользуются. Однако, положение это требует ряда оговорок. Монгольский письменный язык в течение многих столетий был орудием литературы и письменности в широком смысле этого слова и служил, главным образом, высшему классу монгольского общества: монгольским феодалам и тем, кто тесно был с ними связан. Вполне понятно, что язык этот казался возвышенным, красивым и элегантным; ореол особой литературности окружал его. И вот отсюда его влияние на живую речь в известных областях.

Когда монголу нужно или хочется говорить красно, витиевато, с подъемом, вообще говорить так, как обычно в повседневной жизни он не говорит, монгол прибегает к тому, что привык считать литературно-красивым и важным, т. е. к своему монгольскому письменному языку. Его речь становится особой, пересыпанной формами и выражениями, свойственными только монгольскому письменному языку. В зависимости от степени начитанности, элементов письменного языка может быть больше или меньше, а иногда они в таком количестве проникают в речь, что производят впечатле-

ние, будто человек не говорит, а читает по книге. Совершенно то же самое можно наблюдать в произведениях монгольской устной словесности, в лирических песнях, в эпопеях, в сказках, пословицах и, особенно, в речах и благопожеланиях. Для того, чтобы говорить на этом особом живом литературном языке, полукнижном - полународном, совсем не требовалось быть грамотным. Совершенно неумевшие читать, иногда, в известной мере, прекрасно умели использовать элементы письменного языка, стихия которого встречалась им везде: они слышали чтение книг, они слышали речи, песни, отдельные выражения.

То, что язык этот, живой устный литературный язык, действительно вкоренился в монгольские массы свидетельствует следующее. После монгольской революции, когда феодализм рухнул, он не увлек за собой свое детище — этот живой литературный язык. Им воспользовалась новая жизнь, новые люди. А начавшаяся впервые в Монголии общественная жизнь предоставила этому языку больше простора действия. Аратские деятели прибегают к нему как на трибунах съездов, так и на площадях Улан Батор-хото. Этот язык выявляется и в новых революционных песнях.

Возьмем пример. Вот перед нами оратор, простой арат из далеких степей, он выходит на трибуну и начинает: *mini b̄yē bolwāsu ene-x̄i . . .* «что касается меня, то это — вот . . .». В данном отрывке формы *bolwāsu* и *x̄i* взяты из письменного языка; в обычной повседневной речи так не говорят: вместо *bolwāsu* скажут *bolwōl*, а *x̄i* не употребляется вовсе. То же самое находим в новых песнях. Пример:

ejērḫēk jassāyū ɢarānyūi-bēr
ērḫē čölōgō alḡāwā;
ōdūgōgī jassāk mandvṛāt,
ērḡēm soyōlig delgērūlwē.

«под давлением самовластья
 право и свободу потеряли;
 но нынешнее правление одержало верх
 и распространило просвещение».

В стихотворении этом находим следующие «письменные» формы: *jassāyū* вм. *jassāgī* родит. падеж от *jassāk*; *ɢarānyūi-bēr* вм. *ɢarānyūiṅar*, творит. падеж от *ɢarānyūi*; *ōdūgōgī* — родит. падеж от *ōdūgō* вм. *ōḡō*.

Старый ойратский письменный язык, возникший в половине XVII в., хотя и был гораздо ближе к живой речи ойратов-калмыков, их разным говорам, чем монгольский, все-таки значительно отличался от простой повседневной речи. Он тоже, в той или другой мере, оказывал влияние на словесное творчество калмыков, но имел сильного конкурента в лице старого устного литературного языка ойратов, более древнего, чем сам ойратский письменный, который выявлялся сильнее всего в героических эпосах. По-видимому, язык этот был близок монгольскому письменному, если даже не возник под его влиянием.

Вместе с тем можно отметить также, что искусственный в значительной мере, традиционный, книжный монгольский письменный язык, такой далекий монгольским живым говорам, совсем не является давно омертвевшим и застывшим. Почти то же самое можно сказать и об ойратском языке. А еще так недавно ориенталисты смотрели на монгольский письменный язык, как на неизменяющуюся и неизменявшуюся давно, твердо установившуюся величину. Теперь мы знаем уже его историю, его эволюцию и хотим пробраться в сумерки, которые все еще опутывают его появление на свет.

2

Древнейшие памятники монгольского письменного языка восходят к первой половине XIII в. и обычно считалось, что приблизительно около этого времени он и возник, взяв себе в качестве орудия воспроизведения уйгурское письмо. Монгольские и другие легенды, как будто подтверждают это. Но именно легенды, а не исторические показания.¹ А между тем можно очень сомневаться в справедливости подобного суждения. Действительно, если сравнить монгольский письменный язык XIII в. с данными по живым говорам тогдашних монголов, с данными, сообщаемыми нам записями китайских, армянских, грузинских и персидских писателей, а также если привлечь материал из заимствований монгольских, встречающихся в разных языках, в том числе и в русском, то очень легко заметить, что уже в XIII в. монгольский письменный язык решительно отличался от живых говоров монголов той эпохи. А мы можем установить, что в XII—XIII в. монголы не имели одного общего языка, как не имеют его и теперь. По-

¹ Ср. P. Pelliot. Notes sur le «Turkestan» de M. W. Barthold. T'oung Pao, 1930, p. 33—35.

том приходится констатировать, что монгольский письменный язык XIII в. является перед нами уже вполне разработанным, со строго установленной орфографией. Вот факты, которые заставляют нас думать, что монгольский письменный язык возник в более раннюю эпоху, во всяком случае до поры Чингис-хана. Но где и когда?

Сравнивая монгольский письменный язык в его древнейших формах, т. е. формах XIII в., с монгольскими говорами той эпохи, можно прийти к заключению, что перед нами два языка, принадлежащие к двум различным стадиям развития. Мы знаем современные монгольские наречия, разнообразные и разбросанные по огромным пространствам Азии и Европы; знаем монгольские наречия XVII в., знаем ойратский письменный язык. Все эти группы наречий и говоров обладают одной общей чертой: они знают долгие гласные, они знают изменения гласного *i* первых слогов. А в монгольских наречиях XIII в., — к ним можно прибавить данные по говорам монголов XIV и XV в., — можно видеть инре. На месте долгих гласных — двугласные; *i* первого слова часто стоит твердо. Конечно, есть и другие отличия. А если привлечь к обзору монгольский письменный язык, то в нем нет уже ни долгих гласных, ни двугласных, там этим элементам соответствуют комплексы гласный + согласный + гласный. В первых слогах *i* абсолютно непоколебимо. В виду этих и подобных этим многочисленных данных, можно установить, что монгольские говоры поры XIII — XIV — XV вв., являются наречиями средней стадии развития: это средне-монгольские наречия. О монгольском же письменном языке приходится предположить, что он основывался на каком-либо одном или нескольких наречиях иной, более древней стадии, на одном наречии, которое можно назвать древне-монгольским.

Теперь можно поставить вопрос: какое же это было наречие, где говорили на нем, какое монгольское племя было его носителем? Прямых указаний в наших источниках нет, во всяком случае, ничего подобного найдено не было. Приходится поэтому сделать попытку построить гипотезу, которой, конечно, придется удовольствоваться, пока, ролью «рабочей».

Монгольский письменный язык, во всех известных фазах своего развития, одинаково, приблизительно, отличается от всех монгольских наречий. Но есть одна черта, которая сближает его с торгутским наречием, т. е. одним из ойратских. Все монгольские современные наречия и говоры, помимо прочих явлений, резко отличаются от монгольского письменного языка

тем, что им всем свойственна прогрессивная лабиализация гласных, тогда как в монгольской письменности после *o* в первом слоге может стоять *a* в слогах дальнейших, и после *ö* может появляться *e*. И вот, отсутствием прогрессивной лабиализации гласных как раз характеризуется торгутское наречие (и те говоры, которые подверглись его влиянию, напр., наречие астраханских дэрбэтов и т. д.). Пример:

монг.-письм. *doluyan* «семь», халх. *ᠳᠣᠯᠦᠮᠤ*, южно-монг. *ᠳᠣᠯᠦ* ∼ *ᠳᠣᠯᠦᠨ*, баит., дэрб.-Кобд., захач. *doton*, даур. *ᠳᠣᠯᠦ*, бурят-Алар. *ᠳᠣᠯᠦᠨ*, монгол. *ᠳᠣᠯᠦᠨ* | торг. *ᠳᠣᠯᠠᠨ*;

монг.-письм. *ködüge* «степь», халх. *ᠬᠣᠳᠦᠭᠡ*, халх.-Зап. *^kᠬᠣᠳᠦᠭᠡ*, баит., дэрб.-Кобд. *ködᠦᠭᠡ*, южно-монг. *ᠬᠣᠳᠦᠭᠡ* | торг. *ködä*;

монг.-письм. *noḡai* «собака», халх. *ноᠬᠦ᠎ᠠ*, южно-монг. *ноᠬᠦ*, могол. *noḡeᠢ*, даур. *ноᠬᠦ*, дэрб. *ноᠬᠠ* | торг. *ноᠬᠠ*;

монг.-письм. *oroᠢ* (< **oraᠢ*, ср. средне-монг. *hoᠷai*, тунгуз. *hura* «ко-нец») «вершина, макушка, поздно», халх. *орᠣ᠎ᠠ*, баит. *örä*, даур. *or'e*, южно-монг. *oroᠢ* | торг. *orä*.

Теперь дальше: можно установить, что торгуты вначале не принадлежали к ойратам и присоединились к последним только в век Чингис-хана. Торгуты (*torḡüt* ∼ *torḡüᠳ* < *torḡayüᠳ* < *torḡay* ∼ *turḡay* + суф. *-üᠳ*) происходили от племени керейт (*kereyid*) и имя свое получили от названия гвардии (*torḡay* ∼ *turḡay*) пресловутого Ван-хана керейтского.¹ Любопытно отметить, что ойратские калмыцкие хроники (довольно позднего происхождения) сохранили память о происхождении торгут: все они единогласно указывают на керейт. А что касается племени керейт, то нам известно, что оно еще задолго до эпохи образования монгольской державы при Чингис-хане (начало XIII в.) приняло христианство несторианского толка. Возможно, что среди керейтов распространение получил и буддизм; керейты кочевали на древней родине уйгуров, находились в сношениях с ними, а также с тангутами и другими народами Восточного Туркестана и Семиречья. В культурном отношении они стояли выше монгольских племен, из среды которых вышел Чингис.

Все эти данные заставляют думать, что именно у керейтов и началась монгольская письменность и образовался монгольский письменный язык на почве одного или нескольких керейтских говоров. Впоследствии язык этот и письмо заимствованы были Чингис-ханом, который сам, как известно, не

¹ См. P. Pelliot. Notes sur le «Turkestan» de M. W. Barthold. T'oung Pao, 1930, p. 30.

выучился читать и писать, но оценил вполне значение грамоты для своей державы и заставил учиться своих аристократических сподвижников. Монгольская письменность, действительно, сразу оказывается на службе у монгольских сановников в их канцеляриях и у монгольской степной аристократии, которая пользуется новым орудием, чтобы закрепить свои сказания и эпические предания о себе, о своем прошлом, о своем вожде (Чингисе) и его «золотом роде». Яса, официальные документы, да героические сказания и «исторические» записи — вот, что оставил XIII век, вот, для чего служила монгольская письменность и литературный язык: канцелярия и аристократическая ставка.

Но, повидимому, очень скоро монгольский письменный язык попадает еще в одни руки, а именно к буддийским монахам, которые начинают переводить на него свои книги с разных языков, с уйгурского, с тибетского, с санскритского и китайского. Монахи хорошо разработали монгольский письменный язык и внесли в него очень большое количество терминов, взятых ими, главным образом, из уйгурского языка, в который они, в свою очередь, проникли из языка согдийского, одного из иранских, который, как известно, был распространен в Средней Азии в течение первого тысячелетия нашей эры.

В XIV в. монгольская письменность вполне уже окрепла. Что касается самого письма, букв, то надо отметить, что монголы продолжали пользоваться уйгурскими буквами без всяких изменений, не менялись и уйгурские почерки, все оставалось по прежнему, хотя, несомненно, в некоторых случаях возникали большие затруднения. Но, конечно, в ту пору и в такой среде, в какой письменность культивировалась, это никого не смущало. Впоследствии, через несколько столетий, в буддийских клерикальных кругах распространились рассказы о том, что монгольское письмо было изобретено одним тибетским иерархом и реформировано другим. Но полная несостоятельность этих рассказов была доказана.¹

3

Реформа пришла с другой стороны. Хотя реформой то дело, о котором будет сейчас сказано, назвать нельзя. Появилось новое. Хубилаю, пятому

¹ См. Б. Владимирцов. Монгольский сборник рассказов из Rañcatantra. Пгр., 1921, стр. 47; P. Pelliot. Les systèmes d'écriture en usage chez les anciens mongols. Asia Major, Vol. II, 1925, p. 284—288.

монгольскому хану, перенесшему свою столицу в Дайду-Канбалык (Пекин-Бэйпин), пришла мысль создать, в подражание прежним династиям не китайского происхождения, особое свое династийное письмо. Для осуществления своего плана он привлек ученого тибетского ламу, известного под прозвищем Паг-ба (hP^oags-ra), знакомого с разными языками и системами письменностей. Паг-ба выполнил задачу: им был составлен алфавит, который можно смело назвать международным. На алфавите этом могли писать, пользуясь своим языком, самые разнообразные народы, входившие в состав монгольской империи. До нас дошли тексты на монгольском новом алфавите, составленном на языках: монгольском, китайском, тибетском, тюркском и санскритском. Вероятно, писали и на других языках. Письмо это получило название монгольского государственного письма, или квадратного (по форме букв); европейцы часто называют его по имени изобретателя (hP^oags-ra).

Монгольские тексты, написанные на этом монгольском международном алфавите, интересны особенно потому, что представляют совсем не старый монгольский письменный язык, а совершенно другой диалект. Присматриваясь к этому наречию, засвидетельствованному памятниками XIII—XIV вв., — а надо заметить, что квадратный алфавит обладал очень большим количеством знаков и мог очень фонетично отображать речь, — можно определить, что это один из средне-монгольских диалектов, близкий другим, о которых мы можем иметь хорошее представление по разным памятникам, сохранным китайцами, а также представителями «мусульманской» культуры, и по записям армянских, грузинских, китайских и персидских писателей. На помощь нам приходят также некоторые живые монгольские наречия, сохранившие элементы средне-монгольской стадии. Повидимому, Паг-ба и его монгольские ученики взяли за основу тот язык, тот диалект, который им был лучше всего знаком, т. е. диалект монгольской аристократии, то наречие, на котором говорили при монгольском хаганском дворе.

Несмотря на то, что квадратное письмо находилось под особым покровительством правящих кругов империи и несмотря на то, что писали на диалекте живом, очень близком к обыденной речи, письмо это долго не существовало и не сумело победить старого письменного языка монголов. Оно тесно было связано с юаньской (монгольской) династией и вместе с ней исчезло навеки. Конечно, произошло это потому, что письмо это распространено было, главным образом, в узком кругу высшего монгольского

общества, среди монгольской феодальной и сановной знати и в среде их китайских чиновных помощников. Когда все эти круги или исчезли, или, вернувшись в «степь», зажили совсем другой жизнью, письменность квадратная исчезла; в ней никто не нуждался и не мог нуждаться. Но кроме того, в самой письменности, созданной Паг-баламой были заложены зерна гибели. Письмо это прежде всего было графически очень неудобно, в особенности, для скорописи. Потом оно было слишком богато знаками, слишком фонетично, и в погоне за точной фонетической фиксацией, точно гоняясь за призраком, не сумело создать реальной сущности — точно-установленной орфографии. Но для истории монгольского языка квадратное письмо принесло огромные услуги; это большая веха и крупный этап.

Привожу несколько примеров, которые могут показать разницу между языком квадратной письменности и монгольским письменным:

* квадратн. *γa'an*, монг.-письм. *χayan* «хан, император»; квадратн. *deŋ-ri*, монг.-письм. *tngrī* ∼ *tengri* «небо»; квадратн. *da'ulγayūe*, монг.-письм. *dayulγayūi* «разглашающий»; квадратн. *huja'ur*, монг.-письм. *ija-yur* «происхождение, корень».

4

После изгнания монголов из Китая и возвращения в свои степи и горы, у них продолжается по прежнему употребление старого монгольского письменного языка, теперь все больше и больше начинающий отличаться от живых монгольских говоров, которые, постоянно эволюционируя, вступают в новую эпоху своего развития. В конце шестнадцатого века определяются уже вполне новые монгольские наречия. И вот тогда-то обнаруживается первая серьезная попытка реформы монгольской письменности. Реформа эта совпала, конечно, со многими перемена́ми в жизни монголов. Во второй половине XVI в. наблюдается оживление монгольской хозяйственной жизни. Власть великого хана падает, но в Монголии возникает ряд полунезависимых ханств. Вместе с тем замечается и повышение культурных потребностей. Вот в эту-то пору, т. е. в конце XVI в., и происходит реформа монгольской письменности. Но где и когда точно? На эти вопросы до сих пор ответить не удалось.

Но зато мы очень хорошо знаем, в чем собственно заключалась реформа. Прежде всего было изобретено несколько новых букв: *ǰ* (в середине слов), *p*, *h*; затем вместо буквы *hēth* (*q*) перед *i* стали пользоваться буквой

kārḥ (*k*); изменились начертания многих знаков; вообще, можно сказать, почерк стал совсем иным. В результате получились новый монгольский алфавит, новое монгольское письмо, которым монголы пользуются до наших дней.

Дальнейшие изменения касались уже самого языка и орфографии; перемены эти сказались быстро, и в XVII в. начали делать уже большие усилия, чтобы «очистить» язык от старых, совершенно забытых форм, слов и выражений. Теперь мы можем наблюдать, как с одной стороны старые слова заменяются новыми, заимствованными из живой речи, старые формы вытесняются новыми, более близкими тем, которые известны в живых наречиях; а с другой стороны можно видеть, как слова и формы живой речи искусственно архаизируются. Благодаря всем этим нововведениям монгольский письменный язык приобретает очень мешанный характер, но зато он сильно выигрывает: становится менее неподвижным, делается более эластичным и легким, а главное, хотя и не в большой мере, приближается к живым говорам.

Под конец все эти инновации и архаизации систематизируются, вырабатываются строгие правила орфографии, грамматики, правила переводов. Вырабатывается новый литературный язык, который можно назвать классическим. Он отличается в значительной мере от старого письменного языка довольно значительно и немного разнится и от письменного языка переходной эпохи, т. е. конца XVI и XVII вв. Классический язык монголов до сих пор остается для них именно классическим, его нормы признаются во всех почти углах монгольского языкового мира.

Но несмотря на все произошедшие изменения, по существу, это был все тот же монгольский письменный язык, возникший, по всей вероятности, на почве одного из керейтских диалектов. Изменения, вносимые в него веками и, особенно реформами XVII в., не коснулись его основы; его *köl*,¹ как говорят монголы, оставалась той же самой.

Но оставаться единым этот классический язык не мог. Классические традиции удалось долго поддерживать в одном лишь месте: в Пекине, который при манжурах сделался не только их, но и монгольской столицей, большим монгольским культурным центром. Феодальный режим с его партикуляризмом не мог способствовать сохранению единого литературного

¹ «Стопа, нога, основа».

языка. И мы можем наблюдать, как почти во всех районах монгольского мира под влиянием местных говоров и местных традиций классический язык подвергается ряду изменений и напластований. В некоторых случаях инноваций этих так много, что образуются своего рода диалектические монгольские письменные наречия, представляющие пеструю и не систематизированную смесь элементов классического языка и местных монгольских говоров. Но и говоры эти, обычно, проникают в монгольскую письменность не в чистом виде: для того, чтобы быть принятыми в новую среду, элементы местных живых говоров должны были всегда получать некоторую архаизацию, получать облик «письменных» форм, во всяком случае.

И читать стали знаки монгольского письменного языка по разному, в зависимости от фонетики местных говоров прежде всего, а затем в зависимости от школы, от принятой в той или другой местности системы. С монгольским письменным языком произошло то же самое, что с латинским в Европе. Как в Европе один и тот же латинский текст читают по разному в Италии, во Франции, в Англии, в СССР, в Германии, так и монгольский текст по разному воспроизводится в разных районах Монголии, среди различных монгольских племен. В каждом особом районе монгольский текст читают, конечно, при помощи тех ресурсов, какие имеются в фонетической системе данного диалекта. Напр. монг.-письм. слово *jam* «дорога» в Халхе прочтут, как *jam*, у западно-монгольских ойратов — *gam* и *jam*, в некоторых районах Южной Монголии, как *yam*. Но кроме этого во всех местностях, где пользуются монгольским письменным языком, наблюдаются разные системы чтения монгольского текста. В одних случаях читают приблизительно так, как написано, в других случаях читают, в большей мере приравниваясь к местным говорам, т. е. произнося формы монгольского письменного языка в том виде, в каком они соответственно существуют в диалекте читающего. Так, напр., фразу монгольского текста, которую в литературной транскрипции можно представить в виде:

ünür-lüge tegüsügen sečeg xola bolbaču,
*ᠶögei-nügüd egülen-ü čöčä metü ergimüi*¹

можно прочитать так, как есть, т. е. следуя начертанию. Так как перед нами стихи,² то это с несомненностью свидетельствует о том, что именно

¹ *Erdeni-yin sang neretü sayin ügetü Šastir*, I, 8 (пекинский ксилограф).

² Пятнадцатисложный стих с цезурой после восьмого слова; каждый стих состоит из шестистопного хорей и одной дактилической стопы.

так читали и читают. Но вместе с тем, очень часто можно встретить совершенно иное чтение, и настоящая фраза предстанет тогда перед нами в таком виде, напр., при воспроизведении ее халхаским чтцом:

. *imür-lē tōgōšōgsōn secēg xollō bolbōčig,*
jōgī-nūd ūlnī cogcō metē ergimūē.

Размер стиха, конечно, при этом будет нарушен.

Монгольский письменный язык, в своей классической и диалектической формах, распространен был, главным образом, в монгольской феодальной и чиновничьей среде.

Но вместе с тем он захватывал и некоторые слои аратского общества. С другой стороны, в маленьких хошунах-уделах всегда можно было встретить и тайджи (дворянина) и чиновника, которые совсем не знали грамоты. Как выше говорилось уже, монгольский письменный язык распространялся еще очень своеобразно устным путем и этот «полуписьменный» язык, частично, конечно, имел довольно большое распространение. Но все-таки про монгольский литературный язык можно сказать, что это детище феодального режима. Школ в старой Монголии было мало, разве одни только, основанные на юге стараниями манджурского правительства, и в школы эти попадали по преимуществу дети чиновного люда. В степи же (*xōdō*) учились, обычно, в одиночку или небольшими группами у старых чиновников (*tüsimel* ∼ *tüššimūl*), да в ставках князей. Из буддийских монастырей монгольский язык давно уже вытеснен тибетским, он культивируется только в некоторых монастырях южной Монголии и Пекина,¹ где служба идет по-монгольски, да в некоторых дацанах Забайкалья, где до последнего времени печатались монгольские книги, почти исключительно буддийского содержания. Монгольский язык был в ходу также в монастырских канцеляриях, конечно, тех монастырей, которые имели своих данников, и в канцеляриях теократических владельцев.

5

В половине XVII в. появляется новый литературный язык и новая письменность — ойратская (калмыцкая). Ойраты переживали в ту пору очень похожее на то, что можно было наблюдать у восточных монголов

¹ Точные сообщения об этом факте можно найти в популярной книге: J. Bredon. Peking. 1922, p. 185.

столетием раньше. Также, как и монголы, ойраты распадаются на ряд почти независимых ханств, которые, несмотря на это и не взирая на большие пространства, которые их отделяют друг от друга ввиду дальних отко-ченок, не теряют взаимной связи. В некоторых кругах высшей феодальной аристократии ойратов замечается стремление к политическому объединению всех ойратских феодалов: ойраты делают последнюю в истории попытку образования кочевой державы в Средней Азии. Отвечая этим стремлениям, появляется и новая письменность и новый литературный язык: они должны обслуживать всех ойратов, быть их культурным достоянием, стать связывающим элементом.

Ойратская письменность, получившая название *todo* «ясная», была создана *Zaya-raṅḍita*, хошутом по происхождению; образование он получил в Тибете. Теперь, что за письмо это было и каким языком пользовалось? Что касается самого письма, букв новой ойратской письменности, то можно сказать, что *Zaya-raṅḍita*, действительно, удалось создать *todo bičiq* «ясное письмо». В основе это все тот же монгольский алфавит в его новой форме только, но алфавит, чрезвычайно тщательно и остроумно переработанный. Принцип, которым руководился изобретатель ойратского алфавита, для нас очевиден: он хотел, по возможности, избежать полифонов и выработать такой алфавит, в котором каждому фонетическому элементу соответствовал бы один графический. Это ему почти и удалось сделать. А что касается языка новой письменности, то в этой области *Zaya-raṅḍita* сделал не менее решительный переворот. Он смело порвал с традиционным монгольским языком и решил пользоваться новым, который был бы близок новым монгольским наречиям, в том числе и ойратским. И действительно, если можно сказать, что старый монгольский письменный язык отображает одно или несколько древне-монгольских наречий, а язык монгольской квадратной письменности — средне-монгольские наречия, то про новый ойратский литературный язык можно сказать, что он отображает новые монгольские наречия.

Напрасно, впрочем, думать, что *Zaya-raṅḍita* взял за основу для своего нового литературного языка какое-либо одно или несколько близких наречий, напр., хошутское, родное ему. Нет, язык введенный стараниями *Zaya-raṅḍita* и его учеников был совершенно искусственным с самого начала, с первых же шагов, с первой написанной на нем страницы. До известной степени это был монгольский литературный письменный

язык, но представленный в том виде, в каком его произносят, т. е. читают на одном из ойратских наречий. Поэтому, с одной стороны слова в языке этом являются в формах, очень близких живым, устным ойратским, а различные грамматические формы, с другой стороны, появляются в архаическом виде, конечно, не всегда, но всетаки достаточно часто.

Квадратное письмо, как сказано выше, стремилось базироваться на принципе большой фонетической точности; *Zaya-raṅḍita* пошел по другому пути. Он всю орфографию построил на педантично выдержанном этимологическом принципе, не смущаясь тем, что довольно часто слова представлялись в формах, которые не были известны ни живым говорам, ни старому монгольскому письменному языку; зато благодаря своим начертаниям слово легко связывалось с родственными: *Zaya-raṅḍita*, очевидно, больше думал о филологах и школьниках, чем о практических деятелях.

Несколько примеров могут иллюстрировать сказанное: монг.-письм. *noyan* «князь, военный, сеньор, господин», торг., дэрб. *ноун* | ойрат.-письм. *ноуон*; монг.-письм. *χoni(n)* «баран, овца», дэрб.-Кобд., байт. *χöin*, торг.-Астр., дэрб.-Астр. *χön* | ойрат.-письм. *χоуин*; монг.-письм. *bari-γad* «схватив», дэрб.-Астр., торг.-Астр. *bär'äd*, байт., дэрб.-Кобд. *bar'ät* | ойрат.-письм. *barīd*.

Казалось бы, что новому литературному языку, новой ойратской письменности предстоит блестящая будущность; казалось бы, что не только все ойраты, но даже и монголы восточные могли бы принять эту письменность. Но на самом деле ничего подобного не случилось. Как раз наоборот: ойратская письменность медленно вымирает. Причины неудачи лежат в социальных и политических основах жизни ойратов, а затем в некоторых чертах самой ойратской письменности. Письменность у всех ойратских племен служила по преимуществу представителям феодального класса и была крайне слабо распространена не только в среде масс, но и в кругах мелких феодалов и их служилых людей. Затем значительное количество ойратов оказалось по соседству с монголами, подпало под действие Монгольского Уложения манджурской державы, в которой чиновный и феодальный мир пользовался манджурской и монгольской письменностью. Волжские ойраты оказались в царской России. Благодаря всему этому можно видеть, как в Северо-Западной Монголии ойратская письменность вытесняется монгольской, а на Волге просто угасает.

Но и в самом изобретении *Zaya-raḡḡita* были заложены элементы больших затруднений. Действительно, с первых же шагов стали писать на особом языке, на котором никто и никогда не говорил, а вместе с тем на лицо были все возможности при помощи тех же ойратских букв изображать живую общедоступную речь. И речь эта начала стихийно вторгаться. Но так как ойратский язык был скован этимологической орфографией, то он оказался совершенно неспособным как-либо принять и устроить непрошенных гостей. Отсюда совершенно неистовая безграмотность новой ойратской письменности конца XIX в., которая, конечно, убийственно действовала на ее развитие и распространение. Но выхода не нашлось: или застывшая в своих строго определенных формах, не гибкая и не способная идти навстречу жизненным потребностям письменность *Zaya-raḡḡita*, или какая-то каша из всевозможных компромиссных и всякий раз по новому изображаемых форм, совершенно безграмотное, неудобочитаемое письмо.

6

Монгольский мир знал еще несколько попыток, попыток частных, местных так сказать, реформировать письменность, причем попытки эти большого значения не имели. Так, в XVIII в. в Южной Монголии и Пекине в кругах чиновничества, получившего манджурское образование, появилась мысль писать по-монгольски, пользуясь манджурскими буквами, которые сами возникли в половине XVII в. из монгольских: манджурский алфавит также как и ойратский, — переработка монгольского. Пользуясь манджурским алфавитом, делали попытку изображать монгольский язык в том виде, в каком его воспроизводили в некоторых местах Южной Монголии при чтении монгольского текста.¹ Вот, напр., фраза этой письменности,² сопоставленная с формой, которую она принимает в монгольском книжном языке:

монголо-манджур.: *abaḡai, čini ene üge tung mini sanandu oroḡu-biši*;
монг.-письм. классич.: *abaḡai, čini ene üge tung mini sanayan-dur
oroḡu-busu.*

Еще меньшее значение и распространение имела попытка писать по монгольски, пользуясь уже монгольскими буквами, но изображая будто бы

¹ В монгольских рукописях, начиная с конца XVIII в., нередко можно встретить употребление манджурских букв в тех случаях, когда хотели отметить точное чтение какого-нибудь слова, а также в случаях транскрипции иностранных слов.

² Чу-сб-чжи-нань, II, f. 1.

живую разговорную речь. Так как живой разговорной речи обще-монгольской мир не знал, — в действительности были разные живые наречия, — то авторы этого проекта стали изображать на письме все то же чтение-произношение монгольского письменного языка. Собственно говоря, попытка эта только завершала то, что наблюдалось в различных местах Монголии, где стали образовываться литературные наречия, представлявшие смесь элементов монгольского письменного языка и живых говоров, которым поневоле давалась «письменная» форма.

Затем в начале XX в. были сделаны попытки реформы монгольской письменности в среде бурятской интеллигенции. Был составлен новый алфавит на почве все того же монгольского, при помощи которого можно было выявлять на письме живую повседневную речь. Опыты произведены были только с бурятскими говорами. Несмотря на довольно большие усилия сторонников этого нового бурятского алфавита, распространения он не получил и дело ограничилось изданием нескольких книжек и брошюр.

Наконец, в начале же XX в. в некоторых кругах бурятской интеллигенции начался интерес к вопросу о возможности применить к монгольскому языку и в частности к бурятскому наречию латинские буквы для того, конечно, чтобы получить возможность писать на народном живом языке. В 1910 г. Б. Б. Барадийн издал брошюру, в которой он дает проект нового латинизированного алфавита, указывает вкратце способы пользования им для бурятских наречий, и предлагает в качестве образца ряд записей народного творчества, сделанных по преимуществу у северных, т. е. иркутских бурят.¹ Алфавит этот — первая проба в данном направлении — в ту пору не получил распространения, но вызвал к себе живой интерес в различных бурятских кругах.

Около этого же времени наблюдается попытка реформировать ойратскую калмыцкую письменность. Реформа эта была очень скромной и сводилась лишь к систематизации того, что стихийно совершалось в ойратской письменности в течение последних двух столетий. Благодаря этой инновации старое ойратское письмо могло бы лучше обслуживать потребности живых говоров поволжских ойратов, т. е. калмыков.² Тогда же в калмыцкой среде

¹ Бадзар Барадийн. Отрывки из бурятской народной литературы, *Burjaad zooni ugai eugeiin deej*, СПб., 1910.

² Правила новой орфографии, к которой и сводилась, собственно говоря, реформа, изложены в следующих изданиях: Л. Нармаев и Н. Очиров. Калмыцкий букварь. Пгр., 1915; В. Л. Котвич. Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. Пгр., 1915.

наметилось течение в пользу использования русских букв для составления нового алфавита, при помощи которого калмыки могли бы выявлять на письме свою настоящую речь. Но осуществить это удалось позднее, только после революции, когда, вслед за несколькими опытами, в 1927 г. окончательно был выработан новый калмыцкий алфавит, который взял русские буквы почти без всяких изменений и дополнительных знаков. Это тот алфавит, каким калмыки пользовались почти до настоящего дня, когда и перед ними встала задача перехода на еще более новую латинизированную письменность.

Вот краткий обзор того, что известно о монгольских литературных языках и письменностях, бывших в употреблении у монголов в разное время и в разных местах. Можно сказать, что монголы, буряты и калмыки, вступая на совершенно новый путь, имеют в прошлом довольно богатый опыт разных попыток реформ своих письменностей; возможно, что опыт некоторых из них пригодится и для нового дела латинизации монгольской и калмыцкой письменности.

31. V. 1931.